

ИНТЕРЕСЫ СОБСТВЕННИКОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА INTERESTS OF OWNERS IN THE LEGISLATION OF THE TRANSITIONAL PERIOD

РЫЖИК Андрей Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса
юридического факультета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
Республика Беларусь, г. Витебск, Московский проспект, 33.

E-mail: aspirant8381@mail.ru;

RYZHIK Andrey Vladimirovich,

candidate of legal sciences, associate professor, head. Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Faculty of Law,
Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherova».
Republic of Belarus, Vitebsk, Moskovsky prospect, 33.

E-mail: aspirant8381@mail.ru

Краткая аннотация: в статье рассматривается период «новой истории» гражданско-правового регулирования отношений собственности и отражения интересов собственников, а также обеспечение устойчивости, стабильности отношений собственника.

Abstract: the article deals with the period of «recent history» of civil law regulation of property relations and reflection of the interests of owners, as well as ensuring the sustainability and stability of the owner's relations.

Ключевые слова: интересы собственника, гражданское законодательство, право собственности, гражданский кодекс.

Keywords: interests of the owner, civil legislation, property rights, civil code.

Дата направления статьи в редакцию: 14.01.2022

Дата публикации: 31.01.2022

В действующем гражданском законодательстве можно условно разделить на два этапа: дореформенный и пореформенный. Было бы некорректно употребление для такого деления термина «постреформенный», так как реформа действующего законодательства, регулирующего интересующие нас отношения, не просто продолжается, а набирает обороты. Дореформенный период длился, как известно, 15 лет. В продолжение данного отрезка времени выявились, во-первых, основные концептуальные и редакционные недостатки действующего Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), имевшие место с самого начала его принятия; во-вторых, потребности в гражданско-правовом регулировании отношений, возникших уже после принятия ГК РФ 1994 года [1].

«Рубежом» указанной условной периодизации гражданского законодательства, в котором нашли отражение обеспечение устойчивости и стабильности отношений собственника, стала Концепция реформирования гражданского законодательства РФ. Вполне закономерен вопрос: сложилась ли к моменту принятия действующего ГК РФ научная концепция обеспечения устойчивости и стабильности отношений собственника, отражающая, в частности, интересы собственников как субъектов важнейших экономических отношений в российском обществе середины 90-х годов? Представляется, что в настоящее время отсутствуют достаточные основания для утвердительного ответа на данный вопрос. При принятии ГК РФ, прежде всего, ч. 1, перед российским обществом и государством стояла задача быстрее, насколько это было возможно, упорядочить общественные отношения, сложившиеся в связи с переходом российской экономики к жизни в условиях рынка. Целью данной статьи является характеристика действующего законодательства РФ, прежде всего, раздела II ГК РФ, регулирующего отношения, в которых наиболее четко могли и должны были отразиться и в основном отразились интересы собственников, с точки зрения обеспечения устойчивости и стабильности отношений собственника.

Несмотря на сделанный нами вывод об отсутствии четкой концепции при принятии ГК РФ, общая оценка, безусловно, является позитивной, что вполне объяснимо. Однако прежде чем выявлять причины достоинств и недостатков данного акта, имеет смысл дать его краткую объективную характеристику.

Несомненное достоинство данного раздела ГК РФ, именуемого «Право собственности и другие вещные права» и включающего в себя 8 глав, содержащих 97 статей, состоит в том, что он стал действительно системообразующим и непосредственно действующим. Хотя О.А. Хатунцев полагает, что данный раздел ГК РФ нуждается в доработке [2, с.26]. В нем содержится, по нашим подсчетам, 39 отсылочных норм, из которых 27 носят бланкетный характер, содержат формулировки типа: «в соответствии с законом» или: «если иное не предусмотрено законом». Среди таких бланкетных норм важная роль принадлежит нормам, в которых содержатся отсылки не к абстрактному «закону» (подразумеваемому не только федеральные законы, но также иные нормативные правовые акты), а конкретные отсылки только к федеральному закону, которым, в частности, могут быть ограничены количество и стоимость имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц (ст. 213 ч. 2), или к федеральному закону, устанавливающему круг объектов, могущих находиться только в государственной собственности (ст. 214 ч. 5). Сведено к минимуму число федеральных законов, имеющих приоритет перед ГК в правовом регулировании соответствующих отношений. Среди них можно упомянуть законодательство о приватизации [3] (ст. 217), Семейный кодекс [4] (ст. 256), Жилищный кодекс [5] (ст. 292), Земельный кодекс [6] (глава 17), а также федеральные законы о противодействии коррупции [7] и терроризму [8], о культурном наследии [9] и возможный федеральный закон о национализации [10]. Принципиальное значение такого высокого уровня прямого действия ГК РФ заключается в возможности любого собственника непосредственно на основании данного Кодекса судить о степени соответствия его индивидуальных интересов в праве (в наиболее обобщенном виде) и интересов носителей права собственности в РФ в целом.

В ст. 209 ГК РФ содержится традиционное определение содержания права собственности: «Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом». Таким образом, в основу определения понятия права собственности положена все та же

традиционная триада правомочий, несмотря на общее мнение, бытующее в цивилистической доктрине, о ее недостаточности. Так, В.А. Белов, характеризуя триаду правомочий собственника, отмечает следующее: «Как известно, содержание всякого субъективного права представляет собой совокупность образующих его правомочий. В полном соответствии с принципом, согласно которому содержание всех вещных прав должно быть прямо определено законом, норма и. 2 ст. 209 ГК устанавливает, что право собственности складывается из трех следующих правомочий: 1) владения, 2) пользования и 3) распоряжения» [11, с.122].

Такое перечисление неполно, поскольку нет и не может быть такого субъективного права, содержание которого могло бы исчерпаться правомочиями на совершение одних только собственных активных действий. Несмотря на то, что в праве собственности (как и всяком вещном, и (шире) абсолютном праве, которое С.А. Зинченко и В.В. Галов называют правом на другие права [12, с.50]) возможности по совершению управомоченным лицом собственных действий составляют «центр тяжести» субъективного права, они, тем не менее, не исчерпывают всего его содержания. Наряду с возможностью совершения собственных активных действий собственник вправе требовать от всех иных противостоящих ему лиц, как пребывающих в состоянии не-права воздержания от совершения с его вещью каких-либо действий без его, собственника, на то разрешения. Тем не менее, не подлежит, конечно, никакому сомнению, что пресловутая триада вполне характеризует то основное, что составляет содержание права собственности» [11, с.122].

Таким образом, можно сказать, что триада превратилась в одну из традиций отечественного гражданского права. Как далее отмечает автор, периодически звучащие в литературе предложения о дополнении традиционной триады какими-нибудь еще правомочиями (чаще других предлагаются правомочия управления, потребления и уничтожения), равно как и попытки свести ее к меньшему числу правомочий (например, к одному только распоряжению), не подлежат какой-либо оценке до тех пор, пока не будет ясно, какое конкретно содержание в них вкладывается [11, с.126]. Правомочие владения – это юридически защищенная возможность непосредственного фактического господства над вещью, т.е. юридически защищенная возможность владения. Правомочие пользования представляет собой юридически защищенную возможность управомоченного извлекать из вещи ее естественные либо социальные полезные свойства, составляющие потребительную стоимость вещи. Наконец, правомочие распоряжения – это юридически защищенная возможность определять юридическую судьбу вещи ради извлечения из нее меновой стоимости. Важным дополнением характеристики содержания права собственности является замечание В.А. Белова о том, что по своей природе и существу своему распоряжение кардинально отличается от владения и пользования: в то время как владение и пользование имеют своим предметом саму вещь, предметом распоряжения является право на вещь, в первую очередь право собственности на вещь [11, с.128].

Казалось бы, триада правомочий собственника, несмотря на потенциальную возможность ее дополнения другими правомочиями, достаточна для характеристики содержания права собственности. Тем не менее, видимо, и сам законодатель ощущает недостаточность простого перечисления триады правомочий собственника. Однако закон считает нецелесообразным расшифровывать содержание каждого из указанных правомочий. Вместо этого законодатель употребляет также традиционный примерный перечень действий, который вправе совершать собственник (ч.ч. 2-4 ст. 209). «Собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом» [11, с.128-129]. Особо подчеркиваются способы осуществления правомочий собственника в отношении таких объектов, как земля и иные природные ресурсы. Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами в той мере, в какой их оборот допускается законом (ст. 129), осуществляются их собственником свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов других лиц (ч. 3 ст. 209).

Учитывая дискуссионность проблемы «доверительной собственности» и отрицательное отношение к данному институту большей части научной общественности, законодатель счел целесообразным особо обозначить соотношение интересов собственника и доверительного управляющего, предусмотрев, что «Собственник может передать свое имущество в доверительное управление другому лицу (доверительному управляющему). Передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности к доверительному управляющему, который обязан осуществлять управление имуществом в интересах собственника или указанного им третьего лица» [13].

В соответствии со ст. 210 собственник несет бремя содержания имущества, если иное не предусмотрено законом или договором. Таким же образом определяется несение собственником риска случайной гибели или случайного повреждения его имущества.

Впервые понятие «формы собственности» было закреплено в Конституции СССР 1936 года и с тех пор стало традиционным в законодательной практике, в том числе на конституционном уровне. Не является исключением и действующий ГК РФ, хотя нельзя не отметить достаточно деликатное отношение законодателя к данному понятию, которое раскрывается через перечисление круга субъектов права собственности. Законодатель, что называется, выполнил свой долг: в ч. 1 ст. 212 текстуально воспроизведена норма, содержащаяся в ст. 9 Конституции РФ, согласно которой «в Российской Федерации признаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности». Ни Конституция РФ, ни ГК РФ не раскрывают понятия «иных форм собственности». Согласно словарю «Конституция РФ допускает также существование иных форм собственности» [14, с.506], которого фактически не существует, так что категория «формы собственности» употребляется законодателем без серьезной юридической нагрузки, просто как дань традиции, и не является фактором, который должен учитываться для понимания и выражения интересов собственников.

О правильности данного вывода свидетельствует, во-первых, то, что ни Конституция РФ, ни ГК РФ, в отличие от соответствующих законодательных актов советского периода, не выделяет ведущую форму собственности; во-вторых, ГК РФ не расшифровывает понятие «частной собственности», можно только догадываться, что под этим понятием подразумевается собственность граждан и юридических лиц. О. А. Хатунцев

характеризует предложенную ГК РФ классификацию права собственности как «посубъектную» [2, с.161]. В ч. 2 ст. 212 ГК РФ указано, что «Имущество может находиться в собственности граждан и юридических лиц, а также Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований». И если ст.ст. 214 и 215 ГК РФ в своем названии определяют понятия государственной и муниципальной собственности, то ст. 213 не названа «Частная собственность», из чего следует, что законодатель придает значение не формам собственности как некой экономической категории, а субъектам права собственности. Об этом же свидетельствует содержание ч. 4 данной статьи, в силу которой права всех собственников защищаются равным образом. Не колеблет правильности данного вывода и указание на особенности целей и правового режима публичной собственности, содержащееся в ч. 3 ст. 212. «Особенности приобретения и прекращения права собственности на имущество, владения, пользования и распоряжения им в зависимости от того, находится имущество в собственности гражданина или юридического лица, в собственности Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования, могут устанавливаться лишь законом. Законом определяются виды имущества, которые могут находиться только в государственной или муниципальной собственности». Тот факт, что в государственной и муниципальной собственности может находиться имущество, которое не может быть объектом права собственности граждан или юридических лиц, еще не свидетельствует о том, что какая-либо из указанных форм собственности является ведущей, хотя вряд ли можно подвергнуть сомнению принципиальное положение о приоритете публичных интересов перед частными.

Само название раздела II ГК РФ дает основание считать право собственности как объективное право хотя и центральным, но все же только институтом гражданского права, входящим в общую систему вещных прав, образующих объективное вещное право, как подотрасль гражданского права РФ. Например, В.П. Камышанский предлагает рассматривать право собственности как наиболее полное вещное право [15, с.10]. Однако понятие «другие вещные права» сводится всего лишь к ограниченным вещным правам, перечень которых, приведенный в ст. 216, далеко не полон. Правда, некоторые обязательственные правоотношения, имеющие вещно-правовую природу, такие как залог, доверительное управление, законодатель счел возможным включить в общее понятие права собственности. В ч. 1 ст. 216 после перечисления круга ограниченных вещных прав в буквальном смысле поставлена точка, то есть, нет ни перечисления других известных законодательской практике и цивилистической доктрине вещных прав, ни хотя бы оговорки о том, что законом могут быть предусмотрены иные вещные права. Это может означать лишь то, что законодатель по непонятным причинам не признал в качестве вещных прав права пользования жилым помещением членов семьи собственника, права отказа получателя, в том числе право пользования жилым помещением, право пользования (узуфрукт), вещные и денежные выдачи при ренте и др. Вряд ли это можно объяснить тем, что в правоприменительной практике не встречались либо редко встречались ситуации, в которых проявляли бы себя указанные и иные вещные права, а также недостаточной разработанностью учения о вещных правах в цивилистической доктрине РФ. Ознакомление с указанными выше литературными источниками в области гражданского права дореволюционной России свидетельствует о достаточной осведомленности русских ученых о данных проблемах. Действительно, в РСФСР было не так уж много работ, посвященных учению о вещных правах, однако это можно как раз объяснить отсутствием в данной области законодательской и правоприменительной практики, так что трудно сказать, что является причиной, а что следствием.

Библиография:

1. СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Хатунцев, О.А. Субъективные вещные права как разновидность абсолютных имущественных прав: проблемы теории и практики: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / О.А. Хатунцев. – М., 2015. – 352 с.
3. Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» // СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 251.
4. СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
5. СЗ РФ. 2005. № 1. (Ч. 1). Ст. 14.
6. СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
7. СЗ РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.
8. СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
9. СЗ РФ. 2002. № 26. Ст. 2519.
10. Проект Федерального закона № 24105-3 «Об обращении имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц, в собственность Российской Федерации (национализации)» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.
11. Белов, В.А. Гражданское право: в 4-х т. Том III. Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы. В 2-х кн. Книга 1. Формы отношений принадлежности вещей: учебник для бакалавриата и магистратуры / В.А. Белов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2017. – 319 с.
12. Зинченко, С.А. Собственность и производные вещные права: теория и практика / С.А. Зинченко, В.В. Галов. – Ростов н/Д: СКАГС, 2003. – С. 50.
13. СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
14. Большой юридический словарь / Авт.-сост. В.Н. Додонов [и др.]. – М.: Инфра-М, 2001. – С. 506.
15. Камышанский, В.П. Ограничения права собственности (гражданско-правовой анализ): дис. ... докт. юрид. наук / В.П. Камышанский. – СПб., 2000. – 357 с.
16. СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
17. Емелькина, И.А. Система ограниченных вещных прав на земельные участки: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / И.А. Емелькина. – М., 2010. – С. 12.
18. Манукян, А.А. Ограничения права собственности нормами публичного и частного права / А.А. Манукян // Право и экономика. 1997. № 17-18. С.32.

References (transliterated):

1. SZ RF. 1994. № 32. St. 3301.
2. Hatuncev, O.A. Sub'ektivnye veshchnye prava kak raznovidnost' absol'yutnykh imushchestvennykh prav: problemy teorii i praktiki: dis. ... dokt. yurid. nauk: 12.00.03 / O.A. Hatuncev. – M., 2015. – 352 s.
3. Federal'nyy zakon ot 21.12.2001 № 178-FZ «O privatizatsii gosudarstvennogo i municipal'nogo imushchestva» // SZ RF. 2002. № 4. St. 251.
4. SZ RF. 1996. № 1. St. 16.
5. SZ RF. 2005. № 1. (CH. 1). St. 14.
6. SZ RF. 2001. № 44. St. 4147.
7. SZ RF. 2008. № 52. St. 6228.
8. SZ RF. 2006. № 11. St. 1146.
9. SZ RF. 2002. № 26. St. 2519.
10. Proekt Federal'nogo zakona № 24105-3 «Ob obrashchenii imushchestva, nahodyashchegosya v sobstvennosti grazhdan i yuridicheskikh lic, v sobstvennost' Ros-sijskoj Federatsii (natsionalizatsii)» [Elektronnyy resurs] // KonsultantPlyus. Rossiya / ZAO «KonsultantPlyus». – M., 2022.
11. Belov, V.A. Grazhdanskoe pravo: v 4-h t. Tom III. Osobennaya chast'. Absol'yutnye grazhdansko-pravovye formy. V 2-h kn. Kniga 1. Formy otnoshenij pri-nadlezhnosti veshchey: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury / V.A. Belov. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: YUraйт, 2017. – 319 s.
12. Zinchenko, S.A. Sobstvennost' i proizvodnye veshchnye prava: teoriya i praktika / S.A. Zinchenko, V.V. Galov. – Rostov n/D: SKAGS, 2003. – S.50.
13. SZ RF. 1996. № 5. St. 410.
14. Bol'shoj yuridicheskij slovar' / Avt.-sost. V.N. Dodonov [i dr.]. – M.: Infra-M, 2001. – S.506.
15. Kamyshanskiy, V.P. Ogranicheniya prava sobstvennosti (grazhdansko-pravovoy analiz): dis. ... dokt. yurid. nauk / V.P. Kamyshanskiy. – Spb., 2000. – 357 s.
16. SZ RF. 1994. № 32. St. 3301.
17. Emel'kina, I.A. Sistema ogranichennykh veshchnykh prav na zemel'nye uchastki: dis. ... dokt. yurid. nauk: 12.00.03 / I.A. Emel'kina. – M., 2010. – S.12.
18. Manukyan, A.A. Ogranicheniya prava sobstvennosti normami publichnogo i chasnogo prava / A.A. Manukyan // Pravo i ekonomika. 1997. № 17-18. S.32.